

Литературное наследие

ПАВОЛ ОРСАГ ГВЕЗДОСЛАВ

«Кровавые сонеты»

■
Перевод со словацкого В. ЛЕВИКА

Драма мира и поэта

В обширнейшем лирическом наследии Гвездослава, классика словацкой литературы, особое место занимают два цикла сонетов, своего рода ориентиры эволюции поэта: один создан в начале, второй — в конце его творческого пути. Первый цикл — «Сонеты» 1886 года, второй — «Кровавые сонеты» 1914 года.

В «Сонетах» 1886 года на первый план вышла проблематика, которая с первых шагов Гвездослава на литературном поприще по существу определяла внутреннее содержание его поэзии, хотя долгое время и не столь очевидно: противоборство земли и неба, материи и духа — и проблема места и миссии индивидуума в угадываемой поэтом диалектике мироздания. В «Сонетах» поэт в очередной раз попытался с помощью поэзии освободиться от земных пут и романтически переместить центр тяжести в сферу духа, к «чистому» наслаждению жизнью только в сфере духа.

Стоит оговориться, правда, что это стремление было вызвано вовсе не тем, что поэт не знал или страшился знания земной реальности; напротив, его необходимо расценивать как некий освободительный порыв поэта, который даже слишком хорошо знал реальный мир и не обнаружил в нем ценностей, заслуживающих того, чтобы отдаться им всей душой. Вместе с тем следует отметить, что уже в этом цикле стихотворений поэт осознал невозможность полного отрешения от материального мира и потому вывел для себя непреложный нравственный закон неустанной борьбы со «злой и произволом», которые правят этим миром.

Подобным образом обоснованный и сформулированный, этот нравственный закон стал главным стержнем всего творчества Гвездослава, интимно-личной основой его гуманистического пафоса, неразрывно связанного с его поисками истины. Поэтому когда на склоне лет ему было суждено столкнуться с противоречивостью буржуазного общества, в котором он жил, в ее самой уродливой, в прямом смысле кровавой форме повального истребления людей, то не случайно в этот момент его гуманизм достигает своего апогея, а поиски истины — своей кульминации. «Кровавые сонеты», созданные под непосредственным впечатлением разразившейся первой мировой войны 1914 года, не только довершают картину мира, которую Гвездослав создавал на

протяжении полувековой поэтической деятельности, но одновременно являются и финалом — притом триумфальным, поскольку это очистительный финал,— драмы, которая разыгрывалась в душе поэта.

Гвездослав принадлежал к такому типу поэтов, у которых личные мотивы слиты воедино с общественными. Вполне понятно поэтому, что такое общественное потрясение, как развязывание мировой войны, он должен был пережить как свое личное потрясение, более того, как свою личную трагедию. И ему можно верить, когда в самом начале своей «кровавой песни» он нагнетает все ужасы войны в своей душе, словно ему одному выпало на долю нести на своих плечах «крест» за целый мир: «...Быстрее не взрежет грудь земли лемех, чем этот крест — кровавое наследство — пронзил мне грудь...»¹. Нельзя не верить ему и тогда, когда в минуту отчаяния у него вырываются слова о желании уйти из жизни, чтобы не видеть простирающуюся вокруг себя арену всеобщего опустошения: «Мы, старики, зачем еще мы живы? Чтоб видеть гибель и позор земли?..»

Нам кажется, что именно в этом субъективно-личном прочувствовании темы и заключен поэтический секрет «Кровавых сонетов», которому они обязаны огромной, поистине всечеловеческой силой воздействия. Гвездослав осуждает войну не с высоты неких абстрактных моральных принципов, выступает в сонетах не как некий непогрешимый, стоящий над миром судья, а в каждом сонете снова и снова борется за самостоятельный подход к этой теме, за уяснение скрытых причин войны и исторического смысла этого ужасного общественного явления. Война еще и потому так сильно задела за живое лично его, поэта, что он не мог не видеть в ней грубейшее попрание того общественного идеала, тех представлений о жизни «угнетенных, забытых», которые он выработывал на протяжении всей своей творческой деятельности. Вполне понятно, что первый же шквал военной бури, торжество «спесивого самовластья» внушили поэту чувство безысходного отчаяния при мысли о себе и человечестве. Он пытается превозмочь отчаяние словами «священного гнева» и защититься от него броней горькой иронии над господствующими общественными порядками. В конечном же итоге ему удается победить чувство безысходности благодаря активно оптимистической направленности его гуманистического мировосприятия,— в годину тяжелейших испытаний поэт оказался способным возвысить свой дух до героизма.

Борьба поэта за овладение трагической темой войны сопровождалась мучительными кризисами и поисками выхода. От поэтических образов, концентрирующих в себе весь ужас военного безумия, через постижение лживости религии современного общества («Ты светом послан? Нет, ты послан ложью, чтобы детей природы оглупить»), через горечь разочарования в современной культуре и интеллигенции («Культура — ха-ха-ха — ты людоедство!»), через гнетущее чувство отчаяния при мысли о слабости человека («Ты, человек! Ты — властелин природы?»), через разоблачение моральных и социальных причин войны («Но потрясет ли эта бездна зла тех, что стоят у власти, у кормила?») поэт подходит к основной проблеме «Кровавых сонетов»: каков исторический смысл этой трагедии человечества, способно ли человечество извлечь урок из этой трагедии и потом жить без войн?

Не умея ответить на этот кардинальный вопрос и не находя ответа на земле во всей прошедшей истории человечества, он обращается к высшему для себя нравственному авторитету, к богу («Боже, где ответ?»). Но вот ужас: и в сфере «божественного» разума поэт не находит ответа на мучающие людей вопросы. Бог отгораживается от них завесой безмолвного величия, абсолютность коего леденящим холодом убивает страстное стремление поэта к знанию:

А ты далек от здешней суеты.
Как в мае луг, как звезды в лунном поле,
сияешь ты на огненном престоле
в величии надмирной чистоты.

Перед этой непроницаемой твердыней «всеведения» снижается и накал речи поэта, штормовые валы гнева, отчаяния, скорби и горестных обвинений стихают, превращаясь в смиренную мольбу за ближних, за славянство, за словацкий народ, в мольбу о том, чтобы лавина тотального разрушения пощадила их («Прости его. Прости — и охрани!»).

Но неужели действительно поэт приходит к выводу, что не остается ничего другого, кроме как склонить выю и умолять неприступное божество о милосердии? И можно ли в таком случае говорить о героизме поэта, если мощный взлет его духа обернулся бессильным обращением к вневременному авторитету, во власти которого, он верит, прекратить военное безумие? Однако упадок духа есть лишь последний кризис, после которого наступает подъем — еще более мощный и победоносный. После всех этих приступов боли, разочарования, гнева, нерешительности и смиренных заклиний поэт нашел в себе достаточно сил, чтобы самостоятельно, без божьей помощи дерзнуть представить себе живой завет новой, коренным образом лучшей жизни, которая

¹ Здесь и далее «Кровавые сонеты» цитируются в переводе В. Левика.

пробьется на свет из-под военных развалин и преобразуется своими собственными силами:

Вернись, вернись, желанный мир, мы ждем!
Чтоб ветвь оливы землю осенила...

К высокому веди нас нелукаво,
к добру и правде, — раны заживи.
Какой триумф: восторжествует право
среди народов, тонущих в крови!
И труд наш станет доблестью и славой.
Открой нам царство братства и любви!

В этом финальном подъеме духа поэта представление о мире слилось с его представлениями об общественном идеале, «мир» становится для поэта синонимом «царства братства и любви», в основании которого — созидательный труд равных, вечный обновитель жизни. Эта победа добра над злом, победа идеи созидательной жизни над темными силами «своекорыстия», «спесивого самовластия», которые способны только душить и губить жизнь, придает окончательной развязке внутренней драмы автора «Кровавых сонетов» более широкий смысл. И в этом, несомненно, залог непреходящей актуальности его произведения.

Но заложен ли здесь и ответ на вопрос о месте отдельного человека во всем этом раздираемом противоречиями круговороте реального мира — вопрос, который с такой настойчивостью ставился много лет назад в его «Сонетах»? Да, ответом является сам пафос победы добра, обновления жизни, которым проникнуты «Кровавые сонеты». Горький опыт познания мира некогда побудил молодого автора к поэтическому бегству в космическую беспредельность, которая, собственно говоря, была всего лишь символом сферы «чистого», возвышающегося над противоречиями реальной действительности духа. Еще более горький опыт зрелых лет заставил поэта, напротив, решительно встать на сторону реальной жизни и выразить веру в творческую, созидательную сущность человеческого бытия уже не только не в отрыве от реальных связей с конкретной действительностью, а, наоборот, в активном включении в эти связи. Тем самым «Кровавые сонеты» стали диалектическим отрицанием «космических настроений» давних «Сонетов» и подлинным эпилогом всего многообразного поэтического творчества Гвездослава.

СТАНИСЛАВ ШМАТЛАК

Перевод со словацкого И. БОГДАНОВОЙ

Иллюстрации ИОЗЕФА ШТУРДИКА

1

О крови петь? — как странно! — о какой?
О той ли, что, стыдливая, струится,
когда девичьи розовеют лица,
или о той, что в тихий час ночной,

когда лелеет ангел наш покой,
в лице ребенка светит, как денница,
иль воспевать святую кровь провидца?
Да! Все и вся такую песню пой!

Ты чудо, кровь! Из глуби сокровенной
ты, вечных сил чистейшее звено,
встаешь, как вал в пучине белопенной,
ты в сердце закипаешь, как вино,
и творчески объемлешь жизнь вселенной.
Но что ж! Торговцам смертью — все равно!

3

Ширяет лютый демон над землей,
и головня войны в руке громадной.
Взмахнет рукой — и вниз, как сера, смрадный,
как метеоров раскаленных рой,

летит огонь — двойной, тройной струей.
Людьми давно уж сон забыт отрадный.
Очнулись... голос рока беспощадный —
и страх навис над каждою семьей.

Где скрыться мне? — вскричал. — О боже, где
врата спасенья? В горной ли теснине,
в лесу, в пещере или на воде,
в чьей зыбкости — одна защита ныне?
Приюта нет... Побоище везде —
в морях и в небе, в чаще и в пустыне.

4

В побоище смешались все народы,
везде убийство, гибель и разгром,
из ружей блеск, из жерл отверстых гром,
и свист, и рев, и рвутся неба своды.

Астарте любо кровью красить воды.
Ложатся, как колосья под серпом,
миллионы тел, и кровь, и кровь кругом,
и сабли в ней нащупывают броды.

И ураган жестокости растет.
Свирепей тигров наш двуногий род,
и цвет его погиб в резне взаимной.
Где красота и радость? Там, в гробах.
Величья пурпур обратился в прах,
чертог познания — в тлен и щебень дымный.

7

Ну, дожили! Какой везде разгром!
Как ширится невинной крови море!
И день за днем влачить в таком позоре,
участвовать всем нашим существом!

Мы под одним мучительным ярмом,
мир превращен в гигантский лепрозорий,
и среди пустынь — какая боль и горе! —
былой прогресс в обломках узнаем.

Мы, старики, зачем еще мы живы?
Чтоб видеть гибель и позор земли?
О, как вы, гости прошлых дней, счастливы,
вы мир хотя б во прахе обрели.
В гробах забвенья ужасов нашли вы —
блаженны те, что вовремя ушли!

9

В Христа ты веришь? Ложь! Ты лжешь во всем!
Язычников клянeshь перед амвоном,
а стал вандалом, гунном разъяренным,
сам овладел их лютым ремеслом.

Ты бить поклоны ходишь в божий дом,
но в сердце служишь идолам зловонным,
и, значит, грош цена твоим поклонам
и страху перед Божиим судом.

Ты светом послан? Нет, ты послан ложью,
чтобы детей природы оглупить
и с библией их гнать по бездорожью
в упряжке веры. Но тебе не скрыть
свой умысел: уча их слову божью,
их кровью за евангелье платить!

10

Ты, человек! Ты — властелин природы?
Ты вздумал направлять событий ход?
Но править миром вправе только тот,
кто сам себе глава и в злые годы.

И тот — герой доподлинной свободы,
кто каждому ее дары несет,
не то он вор, притворный доброхот,
всех обокрал — себя, страну, народы.

Сумбур умов, ничтожество сердец!
И духи сфер возвышенных в смятенье
забыли струны, слово, кисть, резец.
Сменилось тьмой высоких дум цветенье.
Так вот пути блестящего конец:
ночь варварства, развалины, паденье...

15

И дым, и гром — свирепствует война,
колотит, бьет в остервененье пьяном.
Оборотась вторым Левиафаном,
как некий ад, разверзла пасть она.

И пасть ее бездонна и черна,
и счета нет увечиям и ранам.
Обломками блюет и прет тараном,
губя, круша земные племена.

Долой войну! Иль скоро всю планету,
как змей клубок, пустыни обовьют.
Где города тянулись к солнцу, свету,
там стоны, плач, безвинный гибнет люд.
Кого всевышний призовет к ответу?
Кого история — на правый суд?

16

Когда семья вечернею порой
сойдется на крылечке, отдыхая,
тут старый дед и бабушка седая,
внучат обняв натруженной рукой,

у мужних ног сидит часок-другой,
и каждый смотрит на небо, вздыхая.
Потом, прибрав на кухне, молодая
подсядет к ним, полна своей тоской.

Лишь дочка в сад ушла, другой тоскою
пронзенная: как все, ушел и он,
как брат ее, ушел навстречу бою,
на ту косьбу, где только кровь и стон.
Так кто за них ответит пред тобою,
за плач, и скорбь, и кровь со всех сторон?

19

Милыоны жертв... Долины наводнила
убитых кровь, и ранам нет числа.
Все, чем судьба так часто тяжела,
ничто пред тем, что бойня причинила.

Веков творенья губит злая сила,
и нива человечества гола.
Но потрясет ли эта бездна зла
тех, что стоят у власти, у кормила?

Придут ли сердцем к истине простой,
что к счастью путь единственно возможный —
не сабли путь кровавый, а другой,
что человек не раб, не червь ничтожный,
кровь не вода, не дело чести — бой..
И вложат ли свой меч кровавый в ножны?

21

А дальше что? Ты знаешь, но о том
тебя, всезрящий, я спросить не смею.
Я слабой мыслью все же разумею,
что было б глупым детским озорством

того пытаться, кто правит бытием,
кто все, что в тайных думах я лелею,
превысил вечной благостью своею —
все, что хотим, чем дышим и живем

мы в нашей брэнной жизни... Но планета
летит за солнцем — это твой завет —
в пространствах мира, в драме тьмы и света.
А нас, червей, ведет сквозь бездну лет
свободы стяг — за что нам милость эта?
и навсегда ли? Боже, где ответ?

22

Иль этим нас наказываешь ты?
Иль такова цена свободной воли?
Иль нас экзаменуешь ты, как в школе?
— Так мыслят те, кто сердцем нечисты.

А ты далек от здешней суеты.
Как в мае луг, как звезды в лунном поле,
сияешь ты на огненном престоле
в величии надмирной чистоты.

На распри, на раздор наш муравьиный
безгневным взором смотришь ты с высот
и думаешь: таков закон звериный —
война за жизнь, а там и за доход!
Но есть прогресс, и путь у всех единый.
Он их облагородит... мир придет!

24

И все-таки, о боже, удостой
ответом любопытство. Так ужасно
тревожиться вседневно, ежечасно,
забыв и сон, и отдых, и покой.

Мой дух томим смятеньем и тоской,
и сердце в муках над собой не властно.
Дай мне увидеть будущее ясно:
прорвется ли сквозь яростный прибой

славянство, как напрягший все ветрила
корабль? Открой, придут ли эти дни?
Пред ним разверзлась бездна, как могила...
Но ты наш покровитель искони!
Оно грешило, знаю, что грешило...
Прости его! Прости — и охрани!

30

Словачество мое, соколя стая!
Оно ли под знамена не летит,
оно ль не шутит: «Это не болит!» —
и кровь, и раны от людей скрывая.

И в нем живет надежда вековая,
что Произвол гоненья прекратит,
что даст нам жить, язык нам возвратит,
не скажет больше: речь их — не людская.

Мы знаем, что отчизна, наша мать,
накормит всех — нет у нее пристрастий.
Но мачеху хотят в ней воспитать
те себялюбцы, что везде у власти.
Да принесет гроза нам благодать —
в надежде этой для солдата счастье.

32

Прощайте, песни крови, порожденья
ужасных дней, когда со всех сторон
пылали и земля и небосклон, —
вы той поры жестокой отраженья.

Идите к ним, в их распри, их сраженья,
где хижин плач, где раны, кровь и стон.
Людским сердцам, глазам, забывшим сон,
я шлю вас для высокого служенья.

И сам в себе я вел смертельный бой,
от раны в сердце след остался жгучий,
но верится: народ увижу свой
уже идущий к жизни новой, лучшей.
Так пусть лазурь, омытая грозой,
скорей разгонит мстительные тучи!

